

Захват Мерва

(По архивным материалам Цуардепа ТССР.)

В январе этого года исполнилось 50 лет со времени захвата царским правительством Туркмении. Публикуемые документы опровергают сообщения историков в погонах, рисовавших захват Мерва, как добровольное признание мервскими туркменами власти „белого царя“.

Лишь Октябрьская революция, руководимая Коммунистической партией, освободила Туркмению из-под пяты царских колонизаторов и привела ее к самостоятельному государственному образованию, входящему в состав Союза Советских Социалистических Республик в качестве полноправного члена.

Покорив силой оружия Ахал-Текинский оазис, царское правительство начало усиленно готовиться к захвату Мервского оазиса.

Учтя тяжелые уроки военного захвата Ахала, с одной стороны, и с другой—из соображений дипломатического порядка царское правительство вынуждено было искать пути «мирного» присоединения Мерва.

Во главу угла царской политики было положено установление делового характера с ханами и родовыми вождями путем подкупа их.

Это обстоятельство находит отражение в докладе генерала Рерберга от 15/XII—1882 г. № 231.

«1. Назначить содержание четырем более влиятельным мервским ханом каждого племени (Бек, Векиль, Сычма, Вахши) в размере, примерно, 2.400 кредитных руб. каждому для того, чтобы привлечь их на нашу сторону. Всего потребуется на четырех ханов 9.600 руб.».

Изучая документы, хранящиеся в Пуарделе ТССР, можно установить следующие моменты процесса поглощения Мерва: 1) предварительная разведка через влиятельных туркмен, уже подкупленных правительством—Махтум-Кули хан и др.; 2) организованная рекогносцировка—посылка каравана Коншина с двумя разведчиками офицерами; 3) заключение договоров с родовыми вождями; 4) создание института ханов племен Отамыш и Тохтамыш; 5) назначение под давлением Петербурга Хивинским ханом правителя Мерва Юсуф бая; 6) действие отряда полковн. Муратова и захват Мерва.

К заключению договоров с мервцами штаб области приступил уже в 1881 г. 19 сентября 1881 г., находясь в Красноводске, начальник области генер Рерберг получил от товарища министра иностранных дел Гирса шифрованную телеграмму о порядке заключения соглашений. В телеграмме этой говорилось:

«Вследствие сообщения посланника нашего в Персии о прибытии в Мешед доверенного от мервских туркмен лица с ходатайством о принятии их под наше покровительство с обязательством подчиниться нашим распоряжениям, государь император соизволил принять во внимание это ходатайство с тем, чтобы туркменские ханы сами или через особых доверенных лиц обратились к вам для переговоров и заключения особого соглашения. Вследствие сего, по мере прибытия к вам самих ханов или уполномоченных, вы вступите с ними в переговоры касательно условий соглашения.

Условия эти должны быть сделаны отдельно с каждым представителем рода письменно и скреплены печатями ханов и вашею подписью. Вы предложите им до подписания условий клятвенное обещание на коране, что они впредь никогда не поднимут оружия против нас и будут жить с нами в мире, взамен сего правительство наше обязуется не нарушать ни религии, ни обычаев, ни порядка управления, существующего у туркмен, не назначать в Мерве властей своих, не налагать на них никаких податей и оказывать туркменам в русских пределах то же покровительство, которое оказывается подчиненным Бухарского эмира и Хивинского хана».

В числе условий, предъявленных ханам (прекращение грабежа, предоставление охраны и лошадей с провозжатыми для русских караванов, согласование с русскими властями размера сбора с караванов и т. д.), были такие пункты:

Второе—принимать с должным почетом лиц, которые по временам будут посылаться в Мерв от русских властей и посылать в свою очередь особых посланцев к начальнику закаспийского отдела.

Четвертое—не допускать к себе агентов других правительств.

Телеграмма заканчивалась следующей характерной директивой.

«Не включая в письменные условия, вы предложите на словах ханам выражать благодарность императорскому величеству за оказываемое им покровительство посылкою ежегодно в виде подарка ко двору нескольких кровных туркменских лошадей».

В связи с телеграммой Гирса начальник штаба Закаспийской области полк. Аминов послал мервским ханам пространное письмо. В виду исключительного интереса приводим этот документ полностью.

«Славным уважаемым нашим друзьям—мервским ханам и кетхудам.

После пожелания всему дружелюбно-му нам мервскому народу от бога всего лучшего, слова мои следующие. Вот уже много раз, как к нам от вас приезжали добрые люди с изъявлением покорности мервского народа нашему великому и всемогущему царю и желанием находиться под его всеильным и всех осчастливливающим покровительством, а также с заявлениями чувства дружбы к русскому народу. Другие ваши представители поехали через Хиву к русскому начальнику на Аму-Дарье с изъявлением тех же чувств преданности и дружбы.

Люди ваши, бывшие у нас, должны были убедиться в том, что, кроме дружбы и искреннего желания добра, в сердцах русских нет к мервскому народу других чувств, а между тем, между двумя народами еще окончательно не все сказано и нет договора, из которого наши дети и потомки, когда нас божьей волей не станет, могли бы видеть дружбу, заключенную между их отцами. О заявленном вами как письменно, так и через посланных людей, желании находиться под покровительством русского царя и слушаться приказаний начальников, поставленных по его воле над народами, мой начальник генерал Рерберг доносил его императорскому величеству через высокопоставленных при его особе сановников. Великий русский царь милостиво и благосклонно принял ваше заявление и повелел генералу Рербергу заключить с вами письменный договор о вашей покорности, как это по принятому всеми народами обычаю делается при заключении дружбы и мира между народами.

В виду исполнения сего высочайшего повеления, мой начальник, главный начальник здешнего края, приглашает вас, если ваши заявления искренни, выбрать из вашей среды доверенных почетных ханов и кетхудов и послать в Асхабад для заключения упомянутого мирного договора. Кроме того, пусть каждый родоначальник, желающий пользоваться для себя и своего рода милостями русского царя, прибудет для заключения договора в Асхабад, где всякий мервец, приезжающий к нам с мирными и честными решениями, как и прежде, всегда встретит полное радушие и дружелюбный прием.

Лично я буду очень рад снова видеть у себя представителей мервских друзей, тем более, что имею переговорить с вами о по-

становке правильных торговых отношений между Мервом и здешнею областью для благоденствия обеих стран».

Такого содержания письма за подписью начальника штаба полковника Аминова были посланы Молла-Баю, Хаджи-Кули Хану, Курбан Мурад Ишану и старшине Али-Илинского рода Санд Назару Юзбашу.

Разослав письма, Аминов 24 сентября 1881 г. дал шифровку ген. Рербергу:

«В виду еще не вполне установившегося там (в Мерве) нашего влияния, я боюсь, не делаем ли мы политическую ошибку, ибо истинные туркмены и вообще азиатские народы не охотники до письменных обязательств. Приложим все старания дабы письма вышли подходящие и не напутать мервских дикарей».

16 ноября 1881 г. в Ашхабад прибыли делегаты от мервских туркмен в составе 43 чел. и с ними были заключены договоры, причем делегаты заявили, что они уполномочены заключить договор не от целых родов, а от отдельных обществ.

Договоры были заключены в строгом соответствии с директивой Гирса и были подписаны от имени штаба области Аминовым, а со стороны туркмен: 1) Халлы Хан Ковшут Хан оглы, 2) Карры Бай Анна Мухамет Хан Беркылы Хан оглы, 3) Чары хан Котур Мираб оглы, 4) Ягмур хан Мерган Бек оглы, 5) Баба хан Сувык оглы, 6) Кара Хан Керим Кизил оглы, 7) Худай Кули Хан Бек Мурад Хан оглы, 8) Софи Хан Ходжа Нафас Пахлавал оглы, 9) Назар Хан Гельди, и от рода Сычмаз Кара Ахмет: Аман Нияз Хан Ораз хан оглы, Назар Али Бек, Нияз Бек; рода Бек: Аллаха Кули Хан Рахман Кули Хан оглы, Ходжа Мурад, Анна Магомед Хан; рода Сычмаз: Бек Мурад Хан, Нафас Бек; рода Вахши: Ходжа Нафас Гусейн оглы; рода Векиль: Худай-Берды бек, Нияз Кули Хан, Анша Нияз; рода Сычмаз Перенг: Махтар Бек Фазил Бек, Тураб Бек; рода Сычмаз Топаз: Джума Назар Бек *).

Но, очевидно, царскому правительству не очень удалось иметь дело с десятками уполномоченных от разных родовых групп, и штаб области приступил к организации института ханов, возглавляющих крупные родовые объединения—Тохтамыш и Отамыш.

В результате длительной подготовки к марту 1882 г. институт ханов был создан и ханом Тохтамышских племен был поставлен Кара-Кули хан, а Отамышских—Майли-Хан, с которыми 26 марта 1882 г. были заключены договоры.

Заключение договоров было обставлено любопытной процессуальностью. Дело в том, что соглашение предварительно заключалось уполномоченными ханов, а не самими ханами. Затем договор ратифицировался ханами особым клятвенным обещанием. Небезинтересно указать, что подписание договора сопровождалось особой торжественностью. Достаточно указать, что соглашение с представителями мервских ханов было подписано начальником Закаспийской области и командующим войсками генерал-лейтенантом

*) Дело гражд. отд. штаба Зак. обл. № 13—1881 г., опись Цуардела 22.108 лист. 40.

Рербергом. При заключении договора присутствовали: Свиты его величества генерал-майор граф Борх, исп. об. начальника штаба Закаспийской области барон Аминов. Условие переводил исп. дол. начальника отделения А. Эфендиев».

Вся эта игра, ведшаяся по всем правилам международных дипломатических сношений и в основном проходившая под фирмой министерства иностранных дел, была лишь фиговым листом, почти не закрывшим поглощение русскими империалистами туркменского народа при непосредственном участии и содействии купленных ханов, кетхудов и т. д.

Подписанные ханами договора ставили мервских туркмен в вассальную зависимость от России. Вся тяжесть кабального акта падала на туркменский народ, так как он по этому договору был обязан выполнять все требования русской администрации, которая не имела почти никаких обязательств.

Обязательства со стороны русского правительства были средактированы таким образом, что при малейшем желании, на точном смысле договора могли быть не выполнены.

К примеру, в договоре имеется пункт о назначении в Мерв особых русских начальников. Это «обязательство» находится в прямом противоречии с другим пунктом договора:

«1, никогда и ни под каким предлогом не поднимать оружия против русских и во всем слушаться приказаний и советов русских начальников, поставленных государем императором всероссийским над туркменскими пародами».

Несмотря на разрозненность архивных материалов, хранящихся в Цуарделе ТССР, по ним все же можно судить не только о факте подкупа мервских ханов, но и о том, что ханы вели оживленный торг с царским правительством, добиваясь больших привилегий. Так, Махтум Кули хан просил ни более, ни менее, как диктаторских прав. Приводим выдержку из его письма нач. штаба, полученного штабом 27 апреля 1882 г.

«Теперь прошу командующего войсками Ахала предоставить мне власть над народом, так, чтобы никто из текинцев не вмешивался в дела народа. Прошу у белого царя грамоту на свободу. Прошу вас и главного начальника всех войск написать и прислать мне условия о вышесказанном, дабы я мог успокоиться».

Баба Хан требовал, чтобы в его распоряжение был предоставлен отряд в 1.000 чел. Приводим письмо его ген. Рербергу.

«Уважаемый Генерал.

Мы остались довольными оказанным нам уважением. Мы передали народу наш разговор. Народ говорит, что если наймете тысячу человек верховых и сто человек раскормленных, то примут ваше предложение, в противном случае не могут согласиться на ваше предложение. При сем отправили к вам Худов Сардара и Тадже»...

К письму приложена печать «Баба Хан Ковшуд Хан оглы».

Приведенные два факта говорят о том, что «вожди» туркмен добивались лишь одного — больших материальных выгод и права эксплуатации

населения; интересы широких масс, конечно, не учитывались.

Наиболее интересным моментом в истории захвата Мерва является назначение под давлением российского правительства Хивинским ханом правителя Мерва Юсуф бай.

Изучая нижепомещаемые документы, мы должны будем признать, что назначение Юсуф бая правителем Мерва произошло в силу того, что царскому правительству нужно было иметь для наблюдения за туркменскими ханами совершенно постороннее для туркменского народа лицо, которое явилось бы, по точному смыслу фразы из письма туркестанского генер.-губернатора Абрамова на имя Хивинского хана, — начальником мервских туркмен из хивинских саванников.

Назначение хивинского сановника в качестве представителя русской власти вызвано, по всей вероятности, и тем обстоятельством, что русское правительство из политических и дипломатических соображений не хотело нарушать данного обещания и «не назначать русских начальников».

По своей сути назначение Юсуф бай было переходным моментом к предстоящему окончательному захвату Мерва.

В свете документальных данных, назначение Юсуф бай предшествовало письму мервских туркмен, вернее мервских ханов Хивинскому хану. Приводим этот документ полностью.

Да сохранит вас господь бог на троне и не лишит народ вашего покровительства. После молитв за вас, просьба от ханов, аксакалов и всех жителей родов Отамыш и Тохтамыш следующая. В настоящее время на головы мусульман, верующих в пророка Мухамеда, явилась обязанность; вы — царь мусульман и мы в это трудное время, прибегая под ваше покровительство, принимаем все ваши царские повеления. Просим сделать милость дать нам, текинцам, справедливого любящего веру и народ начальника, который заставил бы выполнять все правила мусульманской религии и шариата и в больших делах был защитником народа. Заявляя вам нашу настоящую важную просьбу, посылаем к вам несколько человек старшин поцеловать ваши двери. Остальное они расскажут вам на словах. Вы умны и больше знаете. Посылаем вам в подарок коня».

Приложены печати Махтум-Кули Хана, Кара-Кули Хана, Ораз-Нияз Хана, Гаджар Хана, Огуз-Магомед Хана и еще одна печать, прочесть которую невозможно.

Хивинский сановник Юсуф бай прибыл в Мерв в мае и начале июня 1882 г. был признан правителем к ханам Мерва, о чем от имени туркменских племен Юсуф баям и Кара-Кули ханом было сообщено начальнику области письмом от 21 июля 1882 г.

На донесения Кара-Кули хану ген. Рерберг ответил следующим письмом:

«Уважаемому Кара-Кули хану Килидж Бай оглы.

Письмо ваше о назначении в Мерв от Хивинского хана правителя я получил и вполне одобряю это назначение, так как оно состоялось согласно воли великого русского

царя и почему вы должны этого правителя признавать и во всем его слушаться. Если вы это будете исполнять, жить спокойно, заниматься земледелием и торговлей, то мервский народ скоро не будет ни в чем нуждаться.

Начальник области Рерберг.

Навязав через хивинского хана Юсуф-бая в качестве правителя Мерва, царское правительство занялось «агитпропработой» по разъяснению населению, что оно само избрало себе правителя.

Инициатива этой агиткампании принадлежала главному штабу. Генерал-лейтенант Величко дал начальнику Закаспийской области следующую директиву:

«По поручению военного министра, прошу принять зависящие меры для сообщения мервцам, что Юсуф-бай прибыл в Мерв по желанию самих мервцев, обратившихся к Хивинскому хану с просьбой о назначении правителя. Россия же не желает нарушать их прежних порядков и отступать от данных обещаний».

Штаб области сейчас же принялся за реализацию директивы: В частности «разъяснительная» работа была поручена инженеру Лессару, ездившему в Мерв.

Ведя агиткампанию за Юсуф-бая, ободряя его избрание, штаб области в то же время внимательно следил за действиями правителя. Об этом говорит переписка нач. области с начальником аму-дарьинского отдела Туркестанского военного округа, привести которую за ограниченностью места не представляется возможным. Ген. Рерберг, видимо, не особенно был доволен Юсуф-баем. Об этом говорит помещаемое ниже письмо тому же начальнику аму-дарьинского военного округа.

«После письма моего вашему превосходительству от 31 августа сего года, я исполнил, между прочим, сведения, что новый правитель Мерва Юсуф-бай вскоре после своего приезда подпал под влияние Кара-Кули хана и, поселившись на краю Мерва у бекцев, а не посередине, возбудил этим недовольство других племен, тем более, что стал относиться к ним не с одинаковою справедливостью. В общем, судя по настоящему положению Юсуф-бая в Мерве, нельзя предположить в нем способностей, необходимых правителю в таком крае, и ожидать безгоразумных распоряжений, которые могли бы укоренить в мервцах убеждение, что сам он находится в зависимости от правительств, согласие которого было необходимо при назначении».

Юсуф-бай хотя и оставался правителем Мерва до момента занятия его русскими, но фактически он потерял власть, примерно, в ноябре. В политсводках штаба Закаспийской области *) за декабрь мы находим такую оценку Юсуф-бая: «Правитель, присланный Хивинским ханом, утратил всякое значение, живет как частное лицо, никто не слушает его».

Последним этапом на пути окончательного закабаления Мерва была посылка отряда полковника Муратова для захвата Мерва. В результате операций отряда была прекращена дипломатическая комедия и Мервский оазис окончательно был присоединен к царской России.

Официальным поводом к посылке отряда полковника Муратова послужили непрекращающиеся аламапы мервских туркмен на персидскую территорию.

В ноябре 1883 г., по сведениям политического агента в Дерезе Эфендиева, в местности Таянка недалеко от Карры Бента сформировалась партия аламанщиков в числе до 7.000 человек, которая предполагала совершать нападения на Дерезе и Келат.

Движение такого крупного отряда, повидимому, сильно обеспокоило как персидское правительство, так и представителя русской и иностранной политики в Персии, на что указывает факт посылки телеграммы русским посланником в Тегеране командующему войсками Закаспийской области. Содержание телеграммы таково:

Посланник предлагает установить обмен сведений о положении дел в Мерве, так как это может во многом содействовать установлению правильного и верного взгляда на эти дела, что «особенно необходимо в настоящее время, когда пребывание в Хафе английского агента Стюарта дает повод думать, что он интригует в Мерве против нас и что самый Сид Сиях Пуш есть не что иное, как подосланный им фанатик».

Далее сообщалось, что шах желал бы для проверки получаемых им сведений из Хорасана о движении и численности разбойничьих шакс туркмен знать сведения, получаемые в Асхабаде.

Шахское правительство не удовлетворилось дипломатическим обменом мнений с русским посланником в Тегеране, а командировало специального представителя к командующему войсками Закаспийской области. Магомет Ибрагим хан прибыл в Ашхабад 2 декабря 1883 г.

В политсводке штаба области (за декабрь) событие это описано довольно подробно, причем впервые упоминается об «отряде русской артиллерии, отправляющемся из Ашхабада на Теджен»... Изучение политсводок и др. архивных документов позволяет сделать предположение, что посылка на Мерв вооруженного отряда произошла после взаимной договоренности персидского и российского правительств.

О действиях отряда полковника Муратова архивные материалы говорят не многое. В нашем распоряжении всего два рапорта Муратова командующему войсками округа. В одном из этих документов приведено письмо Муратова, адресованное мервским ханам. Он гласит:

«После приветствия извещаю тебя, что по приказанию командующего войсками генерала Комарова, основанному на повелении государя императора, я прибыл сюда с отрядом войск для переговоров по некоторым делам, касающимся мервского населения, наделяя и пришло в Мерв доверенных людей и надеюсь, что в сознание своих интересов и пользы вы примите их с надлежащим почтением и, вооружившись здравым смыслом, ока-

*) Дело гр. отд. штаб. Зак. обл. № 6/1883 Цурдел № 19518, ст. 68.

жете полное содействие в исполнении предъявленных ими желаний, клонящихся как к вашим личным, так и к народным пользам и благополучию».

Итак, слащавый тон писем мервским ханам сменился феодфелбеским окриком. Письмо фактически является ультиматумом, «основанном на повелении государя императора». Всякому ясен смысл наиболее «сильного» места полковничьего послания: «я прибыл сюда с отрядом войск для переговоров по некоторым делам».

Ультиматум, предъявленный Муратовым, при вел к замешательству мервских ханов и родовых вождей. Положение прекрасно обрисовано в письме Махтум-Кули хана на имя генерала Комарова. Выдержки из этого мы помещаем.

«Во-первых, желаю вам доброго здоровья и счастья и, во-вторых, заявляю вам, что по прибытии нашем в Каахка, в понедельник вечером из Мерва от Магомет Юсуф-хана, Сары-хана и Аман-шах Мурад-бей прибыли сюда три человека, которые привезли три письма: одно на ваше имя, а другое—на мое... В присланном мне письме написано, что слышно о прибытии персидских войск на мервцев и поэтому спрашивают, как поступить мервцам: убежать из Мерва или обо-

роняться против них. Еще просят посредничества между мервцами и персиянами.

Я виделся с некоторыми мервцами, которых, не открывая о нашем намерении, расспрашивал, между прочим, о том, исполняют ли мервцы наши требования или нет. На это мервцы ответили, что в Мерве имеются слухи о том, что наши войска пойдут в Мерв и вследствие этого в среде мервского народа идут толки. Большинство жителей говорят: в случае прибытия наших войск исполнять всякое приказание их, а меньшинство—чтобы не исполнять их приказаний»...

Письмо это любопытно и с другой точки зрения. Оно показывает, насколько Махтум-Кули хан продавался царскому правительству. О русских войсках он говорит «наши войска», по отношению своим соплеменникам он держал себя неискренне («не открывая наших намерений»). Эти факты позволяют аттестовать Махтум-Кули хана, как предателя, продавшего свою честь за погонны майора милиции.

После второго предупреждения через того же Махтум-Кули хана были прекращены переговоры с родовыми вождями. 1 декабря 1884 г. к Мерву подошел отряд полковника Муратова, заставивший ханов безоговорочно признать власть «белого царя».

П. АРБЕКОВ.

Историческая справка

(Формы хивинского и бухарского землевладения и налоговая система)

Главная роль в законодательных актах и постановлениях бухарских эмиров и хивинских ханов в вопросах землевладения принадлежит мусульманскому праву и, в меньшей мере—праву обычному. Последнее имело место среди туркмен в бызши Закаспийской области.

Там, где господствует мусульманское право, оно в вопросах землевладения принадлежит верховной власти, в Бухаре и Хорезме оно принадлежало эмиру и хану. Последние на всякий случай владения выдавали соответствующие грамоты (ярлыки, фирманы) с приложением печати. В редких случаях выдача документов на владение передавалась имамам и бекам.

Главнейшие доходные статьи в Бухаре и Хорезме, как известно, составляли сборы с доходов урожая, сдачи в аренду или продажи поливных земель, поэтому земли, как основной источник для пополнения ханской и эмирской казны, регулировались ими непосредственно.

Не только налоговой вопрос, но и все виды управления как Бухарой, так и Хивой велись, как управление своим домашним хозяйством; эмиры и ханы рассматривали Бухару и Хорезм, как свою вотчину, как свое домашнее хозяйство.

Никакого законодательного органа, кроме воли эмира и хана, никаких законов, кроме религиозных законов шариа, никаких гарантий личной и имущественной неприкосновенности не было у населения Бухары и Хорезма.

Не взирая на то, что по мусульманскому праву принадлежит богу и его наместникам на земле, этот принцип в последнее столетие стал нарушаться под влиянием торгового капитала, проникавшего в Бухару и Хиву (а отсюда роста доходов от сельского хозяйства) и начавшейся концентрации крупных земельных участков в руках приближенных и выслужившихся у хана или эмира.

В Хивинском ханстве культурные земли делились на **падшалык**, т.е. государственные и **мюльк**—частновладельческие. В отношении же платежа податей земли **падшалык** делились на собственно **падшалык** и **аталык**, а **мюльк** делились на **ярлыкли-мюльк** и на земли **ата-и-мюльк**. Земледелец, сдающий на землях **падшалык**, являлся не владельцем земли, а получал лишь право вечной наследственной аренды.

Земли **падшалык** облагались двумя родами податей: владельцы собственно **падшалычных** земель платили в ханскую казну **даик**, т.е. подать натурою в размере десятой части урожая с земель, орошаемых без чигири, и двадцатую—с земель, орошаемых посредством чигири. Земли **аталык** облагались податью в размере 72 коп. с тапапа земли (хивинский тапап равен 900 кв. саженьям). Подать эта называлась **салгыт-несьме**. **Аталычные** земли были, главным образом, у туркмен, которые получили их в

П АРБЕКОВ

Первый русский караван в Мерв

Покорив силою оружия Ахал-Текинский оазис, царское правительство поставило себе целью захватить и остальную часть Туркмении (Тедженский и Мургабский оазисы).

Царское правительство было связано формальным дипломатическим обязательством перед английским правительством—о прекращении захвата силою оружия территорий в пределах Средней Азии. Поэтому ему приходилось изыскивать способы «мирного» завоевания Мервского оазиса.

Это «мирное» завоевание было направлено по двум путям: первый путь—лесть, заискивание и подкуп родовых вождей туркмен (ханов и кетхудов), при помощи которых царское правительство стремилось втянуть их в сферу своего влияния, и через них прибрать к рукам свободный туркменский народ; второй путь—вовлечение населения непокоренной части Туркмении в торговлю с Асхабадом.

Царское правительство было заинтересовано в политическом порабощении Мерва, а русский капитал—в захвате Мервского оазиса, как рынок и как путь на богатейший Бухарский рынок.

Необходимо было выяснить политическое и экономическое состояние Мервского оазиса. Для этого был организован, в качестве разведчика, первый русский караван в Мерв.

Караван начал организовываться в конце 1881 года и был окончательно сформирован в феврале 1882 года. 6 февраля караван двинулся из Асхабада в путь.

Царское правительство стремилось создать для работы каравана наиболее благоприятные условия. Для этой цели 4 января 1882 года были разосланы ханам и кетхудам племен Сычмас, Бек, Бахши и Даш-Аяк, а также персонально Бабахану, Караханбеку Сид-Назар-Юзбашу, Аба-Он-Беги и Ходжа-Кули-хану Тедженскому письма с приказом об оказании содействия организуемому каравану.

Письмо это настолько любопытно и интересно, что приводим его целиком*).

*) Дело гражданского отделения штаба Закаспийской области № 18—1882 года (по описи Цуардеда).

«Уважаемым ханам и кетхудам
(живущим в Мерве).

После пожелания вам от бога всего лучшего, слова мои следующие:

Из разных писем, полученных от мервских ханов и кетхудов, а также из разговоров с вашими людьми, часто прибывающими в Асхабад, я с радостью усматриваю, что настало время, когда мервский народ, подобно всем хорошим народам в Азии, понял, что счастье и богатство достигается не разбойничьей и беспорядочной жизнью, а мирными трудами и торговлей.

В виду сего, постоянно заботясь о благосостоянии подданных русского царя, живущих на земле, которую, по приказанию начальника области, генерала Рерберга временно управляю, а также жителей соседних с нами земель, я разрешил нашему купцу Севериану Косыху отправиться в Мерв с караваном русских товаров для торговли с нашими мервскими соседями.

Да послужит этот первый караван твердым началом будущих торговых отношений между нами и Мервом для блага мервского народа*).

Прошу мервских ханов и кетхудов оказывать купцу Севериану всякое содействие и гостеприимство и, где нужно будет, снабдить его конвоем для ограждения его каравана от дурных людей, которых, к сожалению, еще много, но которые рано или поздно будут жестоко наказаны).

Штаб области укомплектовал караван двумя офицерами для шпионских целей.

Караван выехал из Асхабада 6 февраля 1882 г. В состав каравана входили: представитель торговой фирмы Коншина, официально называемый Северианом или Северин-беком, и два офицера: поручик Алиханов и хорунжий Соколов, которые ехали под видом приказчиков купца Северин-бека—Платон-Ага из Тифлиса и Максуд из Казани.

Караван сопровождали 10 хорошо вооруженных милиционеров с проводником Ак-Мурад Сердаром.

Из директивного письма, сохранившегося в черновике, без даты, номера и подписи (повидимому, подписан Аминовым), на имя Косых видно, что ему были даны следующие задания:

*) Т. е. по-просту—прибьем вас к рукам.

1) собрать сведения о промышленных ресурсах страны и кустарно-промышленных предприятиях;

2) представить объяснительную записку о возможности торговли с Мервом, какими товарами и в каком количестве;

3) выяснить степень выгодности торговли с Бухарой;

4) собрать сведения об отношениях Мерва с другими соседними странами;

5) охранять инкогнито лазутчиков-офицеров и оказывать им содействие.

Штаб войск дал каравану следующий маршрут: Асхабад—Каахка—Каррыбент (на Теджене)—Мерв и обратно—по караванной дороге мимо озера Анна-Уаз-Джугуль. Данный маршрут был выбран с целью изучения кратчайшего пути в Мервский оазис, и каравану был дан строжайший наказ,—пройти по указанному пути во что бы то ни стало. При этом Аминов, очевидно, опираясь на имевшиеся в распоряжении штаба войск сведения, предупреждал руководителей каравана о том, что туркмены попытаются отговорить их идти на Каррыбент. Предупреждение это, как мы увидим дальше, имело основания и было дано кстати.

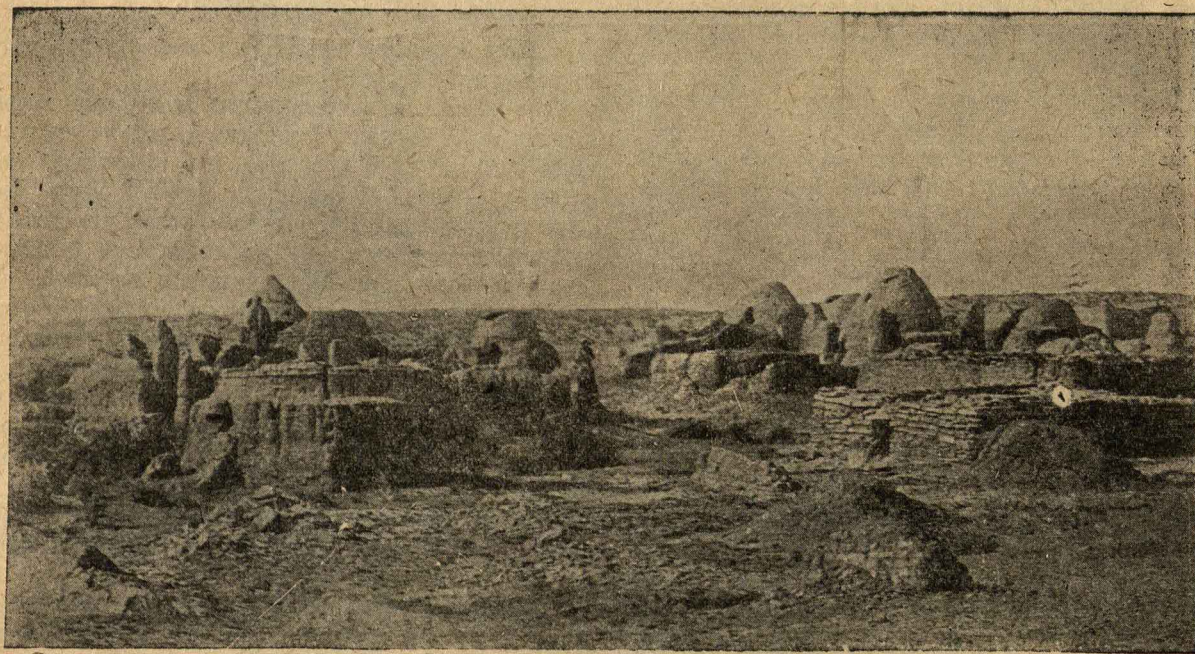
Первое—около Гаурса. Верблюдовожатые отказались ехать с караваном в Мерв. Тогда руководители каравана, по образному выражению письма, прибегали к мерам энергическим, «прописав маленькую лупку зачинщику сего дела», а остальным пригрозив отправкою в Асхабад связанными. Авторы письма самолично заявляют: «Вожани сделались шелковыми и тронулись далее».

Второе происшествие было около Лютфабада. Там караван имел встречу,—надо полагать, преднамеренно устроенную персидскими властями в целях наблюдения за непрощенными гостями,—с представителем Алла-Кули-хана—чиновником из Мамед-Абада.

Персидскому чиновнику, было сообщено, для доклада Алла-Кули-хану, что это—караван русского купца Северин-бека, что при нем два приказчика—Платон-Ага из Тифлиса и Максут из Казани, и что караван направляется в Мешед.

В Каахка караван был встречен 30 января посланцем Али, который выставил для его охраны караул в 4 человека.

В Каахка караван пробыл до 11 февраля и в 9 часов того же дня выбыл далее по направлению в Тенджен.

Развалины старого Мерва.

О выходе каравана Аминовым были даны телеграммы: ген. Рербергу, находившемуся в то время в Петербурге, начальнику окружного штаба и в главный штаб. Посылка телеграммы в главный штаб определенно говорит за то, что в караване были заинтересованы высшие военные сферы России.

С отправленным караваном была установлена теснейшая связь, и о пройденном пути караван регулярно информировал штаб области письмами от 8, 12, 15, 19 и 20 февраля. Очевидно, в целях конспирации, все письма подписывались: «купец и два приказчика».

7 февраля караван прибыл в Каахка. На пути между Асхабадом и Каахка произошли следующие происшествия:

Население Каахка, в том числе и Сеид-Назар-Юзбаши, пытались не пропустить караван по дороге на Каррыбент, всячески отговаривая от поездки по этой дороге.

Дабы не создавать конфликта, руководители каравана пустились на хитрость: они выехали из Каахка по указанной им Аламан-Ургутской дороге, но сделав несколько верст по этой дороге, повернули потом на Каррыбентскую.

В Тедженском оазисе караван не встретил со стороны тедженских ханов того предупредительного отношения, какое ему было оказано в Каахка. Тедженские ханы Ходжа-Кули и Ораз-Сердар отказались исполнить приказ, изложенный в письме Аминова, о предоставлении каравану конвоя, и отказались также сопровождать караван лично. О том, как отнеслись тедженские ханы к каравану, можно видеть из подлинных

слов письма: «смотрели на нас волками и враждебно». Участникам каравана пришлось долго препираться с тедженскими ханами и, наконец, (питуруем по подлиннику) «после 6-часовых бесплодных переговоров **уломали архи-подлеца** Ораз-Сердара итти с нами, обещав ему пожитительно золотые горы и с нашей, и с вашей стороны» *).

До Теджена караван сопровождался конвоем от племени Али-Или в числе 10 человек под начальством Ата-Мурада и Шах-Назара. Али-илинцы недрочь были сопровождать караван и до Мерва, но Ходжа-Кули-хан воспротивился этому, заявив, что ни один али-илинец не переступит Теджена.

Из Каррыбента караван выехал в полдень 12 февраля. Караван-баши Комак из Мерва высладал на встречу каравану 5 человек, которые встретили караван в 60 верстах от Мерва. В 40 верстах от Мерва, около колодца Конен-Кудук, караван предполагал заочевать, но мервские туркмены заявили, что племя Отамыш относится враждебно к появлению русских, и что необходимо пройти отамышские аулы под покровом ночной темноты.

Караван прибыл в Мерв в 4 ч. утра 15 февраля и остановился в доме Комака.

С утра начались посещения каравана туркменами. В числе первых явившихся были Карахан и его двоюродный брат Снахтум-Ата-джан.

Появление каравана в Мерв было принято различно. Отамышцы выразили ему дружеские чувства и заявили, что они очень рады приезду каравана и обрадуются более, если оба народа сольются. Такое же заявление, переданное тайно, было сообщено и Махтум-Кули-ханом. Хан бекского рода Кара-Кули-хан отнесся к каравану отрицательно. Он заявил своему двоюродному брату, Комак-баю, что разрушит дома, где остановились русские, и запретил торговцам входить в коммерческие отношения с караваном.

17 февраля состоялось совещание 15 старшин-представителей родов, в числе которых были: глава векильского рода—Махтум-Кули-хан и глава бекского рода—Майли-Хан, а также бахши—Сычмаз-Сары-Батыр, руководивший действиями безличного Майли-Хана. От каравана присутствовали Косых и Алиханов, в качестве его переводчика.

Описывая это совещание, Алиханов отмечает, что они были приняты как подсудимые. При входе их никто не пошевелинулся и не прервал гробового молчания. Алиханов первый начал говорить и изложил цель прибытия каравана:

— Мой хозяин, Северин-бек—богатый коммерсант. Он пользуется большим уважением у русских гостей и был перед своим выездом у «штаба», который поручил передать его «салам» мервскому народу.

*) Полковник Аминов, получив информацию о действиях тедженских ханов, разразился грозным письмом, чрезвычайно интересным по своему тону:

«Ходжа-Кули-Хану Тедженскому. В письме моем к вам я приказывал вам снабдить русский караван конвоем для ограждения его от дурных людей; прошу уведомить меня, почему вы не исполнили моего приказа(?) Хотя я убежден, что силою моего слова(?) караван и без вашего конвоя дойдет благополучно до Мерва. Но все же следовало бы вам из дружбы исполнить мое приказание. Если правда, что Ораз-Сердар поехал с караваном, то ему за это будет хорошая награда. Приказываю (!) вам дать мне знать, благополучно-ли дошел караван до Мерва, и когда вернется—снабдить его конвоем. 17/II № 892».

В заключение Алиханов спросил собравшихся, как они смотрят на это дело.

После продолжительного молчания, один старик сказал:

— Торговля — вещь хорошая, но мы опасаемся навлечь на себя ответственность в случае покушения дурных людей, которые есть и у нас. Поэтому мы отправим с вами наших выборных. Поезжайте в Асхабад, сговоритесь с ними и соедините прежде два народа. Вопрос о торговле решится сам собой.

Из этих слов явствует, что туркмены уклонились от прямого ответа неопределенными ссылками на дурных людей.

На это Алиханов заявил:

— Мы—купцы, и не наше дело заниматься политикой.

В заключение, дабы подействовать на собравшихся, Алиханов добавил:

— Предупреждаю вас, что дело будет понято в Асхабаде в нежелательном смысле (т.-е. как нежелание считаться с русскими), если вы запретите для нас тот путь, которым свободно пользуются персы, бухарцы и т. п.

Тогда Махтум-Кули-хан, разъяснив собранию смысл заявления Алиханова, объявил от имени присутствующих, что караван может остаться в Мерве на некоторое время.

Через два часа после совещания к русским явилась депутация бекского рода с Алла-Кули-ханом во главе и заявила, что они свергнут Кара-Кули-хана, если он будет продолжать враждебные действия против каравана.

Политика Кара-Кули-хана после этого посещения резко изменилась. 20 февраля Косых и Алиханов были приглашены к Кара-Кули-хану. Алиханов и Косых приняли приглашение, но на всякий случай спрятали под халатами по два револьвера.

Кара-Кули-хан завел с Алихановым дипломатический разговор. Он пытался разузнать у них, имеют ли они какие либо другие поручения, каково положение мусульман в России, каковы причины покорения русскими Ахала, с кем теперь воюет «ак-падишах» («белый царь») и т. п.

По поводу пребывания каравана в Мерве полковник Аминов телеграммой от 25 февраля 1882 года на имя генерала Рерберга сообщил: «Приезд каравана и мое письмо произвели в Мерве большое волнение. Было совещание старшин всех родов, которое чуть не окончилось для каравана неудачей, то-есть неразрешением торговать в Мерве и отправкою назад, но благодаря решительным действиям Махтум-Кули-хана, который пользуется громадным влиянием, решено было оказать каравану гостеприимство. После чего от разных родов к каравану явилась депутация с изъяснением сочувствия к начатой торговле».

16 февраля караван возвратился в Асхабад.

Об этом барон Аминов дал такую телеграмму генералу Рербергу, начальнику окружного штаба и русскому посланнику в Тегеране Зиновьеву: «Вчера караван Коншина благополучно возвратился в Асхабад из Мерва, продав товар, часть которого роздано в долг. Одновременно с караваном прибыла многочисленная депутация от всех родов, а между другими — от вновь выбранного отамышцами хана Майли-хана». К телеграмме на имя посланника Зиновьева было еще добавлено: «Вообще порядок дел Мерва и кто действительно там влиятелен теперь вполне разъяснилось».

10 марта барон Аминов послал телеграмму за № 493 следующего содержания: «Москва, Николаю Николаевичу Коншину. Ваш караван благополучно вернулся в Асхабад, продав товары. Для дальнейшего успеха начатого вами дела нужен скорее еще караван, дабы приучить к торговле и мирной жизни. Честь и слава вам и вашему молодцу. Аминов».

Областной штаб был чрезвычайно доволен результатами каравана. Это видно из телеграммы полковника Аминова в Тифлис на имя начальника окружного штаба: «Результаты, добытые караваном, богаты. Много сведений, с'емок; открыт доступ торговли через Мерв. В Асхабад прибыл с караваном надежный туркмен, который берется провести сколько угодно караванов из Бухары и Чарджуя через Мерв в Асхабад. В Мерве найдутся еще другие. Опасаются только бухарских туркмен около Аму-Дарьи. Надо, чтобы туркменское начальство об этом позаботилось. Из Чарджуя в Асхабад от 12 до 14 дней караванного хода. Хлопчуху о направлении в этом году всего бухарского хлопка Каменских через Асхабад. № 508. Аминов».

Тем временем главный штаб разрабатывал дальнейшие мероприятия по захвату Мервского оазиса. Шифрованной телеграммой от 28 июня 1882 года за № 86, подписанной генерал-адъютантом Обручевым, на имя генерала Рерберга гл. штаб запрашивает: «При обсуждении политического положения Закаспийской области и программы для будущего встречается необходимость в точных сведениях о том, какие результаты дал первый караван, ходивший в феврале в Мерв. Можно ли считать этот опыт успешным в политическом и торговом отношении. Можно ли без риска повторить этот опыт или для установления торговых связей нужны другие приемы. Прошу краткий ответ телеграммой, а подробные соображения доставить почтой».

Исполняя поручения главного штаба, генерал Рерберг представил обстоятельный доклад командующему войсками Кавказского военного округа. В этом докладе, говоря о результатах первого каравана в Мерв, ген. Рерберг сообщает: 1) Караваном сделано подробное ознакомление с главнейшими путями, ведущими из Ахал-Текинского оазиса в Атек и Мерв, а также произведен сбор военных и статистических данных. 2) Открыт доступ для караванов и достигнуто разубеждение мервцев в недоступности их страны. (Мервцы говорили: «теперь, когда русские люди были в Мерве, можно считать Мерв покоренным»). 4) Собраны сведения о политическом положении Мерва и о политических группировках. 5) Одновременно с караваном прибыла в Асхабад депутация от ханов, а в мае месяце явились ханы отамышский — Майли-хан и тохтамыш-

ский — Кара-Кули-хан. 6) Собраны сведения о том, какие русские товары и в каком количестве могут иметь сбыт в Мерве, а также о производительности страны и торговых сношениях Мерва с сопредельными странами. 7) Собраны данные о возможности в ближайшие годы направления бухарской торговли с Россией через Мерв и Асхабад. 8) С караваном прибыл в Асхабад Комек-бай, который выстроил в Асхабаде дом с лавками, чтобы начать торговлю бухарскими товарами. Комек-баем организован также небольшой караван в Бухару с железом и нефтью. 9) Со времени возвращения каравана по 1 июля десятью мервскими торговцами доставлено в Асхабад 4.750 голов крупного скота и 10.000 баранов и коз. 10) На Мервском базаре было объявлено населению о необходимости сеять хлопок.

Переходя к вопросу дальнейших мероприятий по захвату Мервского оазиса, Рерберг выдвигает в своем докладе следующие практические соображения:

1) Посылка в Мерв русских караванов, бесспорно, будет служить значительным подспорьем в деле умиротворения страны, так как мервские туркмены через это постепенно привыкнут видеть у себя русских людей, а поэтому повторение опыта посылки караванов считаю полезным.

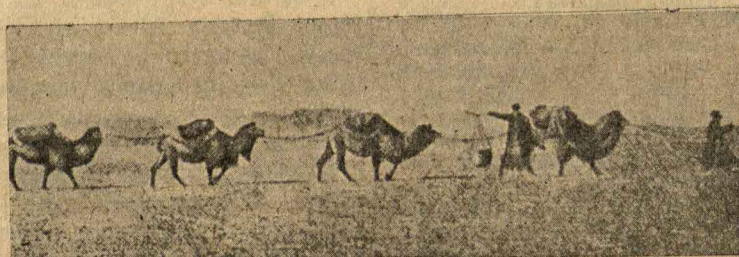
2) Для обеспечения торгового движения необходимо занять русскими войсками Каррыбент.

Заканчивая настоящую статью, мы можем констатировать что первый русский караван, организованный штабом области и купцом Коншиным, являлся прелюдией к проработке Мерва русским империализмом.

Царское правительство в результате этого каравана получило полную картину политического состояния Мервского оазиса. Правда, царское правительство не сразу могло реализовать достижения, добытые караваном, и для окончательного захвата Мервского оазиса потребовалось еще два года, но эта задержка произошла в связи с общим международным положением.

Уместно здесь будет сказать, что захват Мерва произошел под вооруженным нажимом, произведенным Каррыбентским отрядом полковника Муратова, давшим по Мерву несколько боевых залпов. Только после этого мервские ханы «добровольно» признали власть «белого царя».

Таким образом, данные официальной истории о «добровольности» подчинения Мервского оазиса — наглая ложь. В действительности мирный договор с туркменами был подписан под аккомпанимент залпов отряда Муратова.

ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ

№ 8-9.

АВГУСТ—СЕНТЯБРЬ 1930 г.

Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К
Института Туркменской Культуры
(год издания четвертый)

Ответственный редактор—Ал. Шершевский.
Зав. редакцией—А. Облонский.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Ашхабад, Гоголевская ул. 28.—
Туркменкульт. Тел. 3—49.

В Н О М Е Р Е:

Мих. Шервин.—На пороге третьего года пятилетки.
Г. Фомина.—Путь крови и слез.

Г. Карпов.—Научно-исследовательская работа в ТССР.
О. Гарр.—Всепертуркменское объединение писателей.
М. Скибневский.—Туркменский национальный театр.
В. Тихонович.—Театр рабочей молодежи в Ашхабаде.

Н. Зенгер.—Вода в Кара-Кумах.
Н. Назаревский.—Южная точка СССР.
А. Бахтияров.—Осколки аланов. Нухур.
П. Арбеков.—Древности серахского района.
П. Иванов.—Туркменская кибитка.

А. П. [В. В. Бартольд.]

В. Луговской.—Гибель экзотики, Первая песня (стихи).
Г. Санников.—Кельфский Узбой, Баллада о туркменском ковре (стихи).
Н. Тихонов.—Люди Ширама, Искатели воды (стихи).
Л. Леонов.—Саранча (повесть).
П. Комаров.—Ключья жизни (из поэмы „Эпос пустыни“)

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

А. Ковалев.—К. Василевский.—„Ислам на службе контр-революции“.
С. Зуев.—Н. Немченко — „Хлопок в 5-тилетке“ и И. Куприянов — „Хлопководство в новых районах“.
Барфи.—Н. Ерискин.—„Страна таджиков“.
Н. Солянский.—Н. В. Скобелев.—„Среднеазиатские республики“.
*** —Материалы о XVI съезде ВКП(б).
*** —Последние издания КЭПС.

Подписывайтесь на „Туркменоведение“!

Условия подписки (с приложениями): 1 год—5 руб.
9 мес.—4 руб., 6 мес.—2 руб. 75 к., 3 мес.—1 руб. 40 к.,
1 мес.—50 коп. Цена отдельного номера—50 к.

Подписку направляйте: Ашхабад, Гоголевская, 28,—
Издательство Туркменкульт.

При коллективной подписке 20% скидки.

ФОТО НА ОБЛОЖКЕ—А. РЕБЛИНГ.

На пороге третьего года пятилетки

1-А энс.
924(05)
Т 88

Страна Советов вступает в третий год исторической пятилетки. Этот год является хребтовым в реализации величайших планов социалистического преобразования нашей страны, в борьбе за превращение Советского Союза из страны преимущественно аграрной в преимущественно индустриальную.

Сейчас, на пороге третьего года, весьма важно подвести тщательные итоги двухлетней напряженной борьбы за индустриализацию сельского хозяйства.

МИСТЕР СТУАРТ ЧЕЙЗ ПОРАЖАЕТСЯ СМЕЛОСТЬЮ БОЛЬШЕВИКОВ

Чтобы достаточно ярко подчеркнуть огромную политическую значимость этих итогов, уместно напомнить отношение зарубежной буржуазии и ее печати к самой идее составления пятилетнего плана развития хозяйства СССР.

Если для нас составление пятилетнего плана означало и означает победу планового социалистического регулирования и воздействия на развитие народного хозяйства страны, то буржуазные экономисты, политики и публицисты, вне зависимости от их географического размещения на территории земного шара, не могли иначе как прощически отзываться о новой «затее» большевиков.

Фашистские, либеральные и социал-демократические борзошмеды буржуазии соперничали между собой в подборе наиболее «крылатых» определений пятилетки, как замысла, обреченного на неудачу при первых же попытках его реализации. Их мозг, способный воспринимать только узаконенные тезисы буржуазной политэкономии, не в силах был примириться с самой мыслью о возможности разработки единого детально разработанного плана развития народного хозяйства какой-либо страны вообще, а такой огромной—как СССР—в особенности. Им казалось невероятным, что большевики, «разрушающие всякие устои человеческого общества», сумеют создать стройную научно рассчитанную перспективу полного преобразования всей страны в течение пяти лет — исторически ничтожного времени. И когда, к великому изумлению многих прорицателей невозможности разработки такого плана, пятилетка была представлена планирующими организациями на рассмотрение правительства, буржуазные газеты, захлебываясь от усердия, помещали произведения «маститых» знатоков экономики под сенсационными заголовками: «Большевистская фантастика», «Жонглирование сказочными цифрами», «Наглый обман общественного мнения», «Пятилетка обречена на полный провал» и т. д., и т. п.

Неистовые шумиха и вой, поднятые за рубежом вокруг пятилетки, отражали по существу не только полнейшее неверие в возможность осуществления «коммунистической выдумки», но и глубокую веру в непогрешимость капиталистических методов ведения хозяйства, уверенность в полном и неизбежном банкротстве всяких стремлений повернуть человечество на другой путь развития, которого история еще не знала.

Наконец, не только вне, но и внутри страны пятилетка была встречена в штыки враждебными пролетариату силами. «Сменовеховцы», чаявшие термидоранского переодевания пролетарской революции, реакционная интеллигенция, нэпманы, кулаки и их идеологи, тчившие себя бесплодной надеждой на капиталистическую реставрацию Советского Союза, полностью солидаризировались со своим зарубежными соратниками по классу.

КУТВ.
У.Б.-на
И.С.СТАЛИН

П. АРБЕКОВ

Древности серахского района

Серахский район богат памятниками материальной культуры народов, заселявших в свое время территорию нынешней Туркмении. Многие из этих памятников изучены еще очень мало. Ниже мы предлагаем вниманию читателей последние данные о наиболее крупных памятниках старины Серахского района—крепости старого Серахса и мазаре Серахс-Баба.

КРЕПОСТЬ СТАРОГО СЕРАХСА.

Развалины крепости старого Серахса представляют из себя внушительных размеров курган, имеющий, примерно, около полукилометра длины, 150—200 метров ширины и метров 15 вышины. Курган имеет вид прямоугольника, — стороны его ориентированы по странам света, а общая ориентация идет с востока на запад. Стороны кургана в некоторых местах значительно оплыли, но все-же почти отвесно спускаются к уровню современной поверхности, образуя в некоторых местах угол не менее 45 град. Обочины кургана на всем их протяжении почти сплошь покрыты обломками, кирпичами и кирпичным щебнем. По верхнему краю кургана идет заметный-выраженный след кирпичной стены. Местами, в особенности на южной стороне стены, частично сохранились и рельефно выделяются три кирпичные башни,—из них одна, наиболее сохранившаяся, имеет высоту до 12 метров. Основание кирпичной стены скрывается под строительным мусором и оплывами кургана.

В нижней части кургана, на всем его протяжении, заметны следы бывшей некогда площадки, повидимому парапета крепости. Площадка эта засыпана продуктами разрушения крепостной стены.

Вокруг кургана имеются следы рва, служившего, очевидно, для пуска воды для целей обороны.

Верхняя часть кургана представляет из себя крайне волнообразную площадку, почти сплошь покрытую кирпичем и кирпичным щебнем.

В восточной стороне кургана имеется спуск, плавно нисходящий к его основанию. Обочины этого спуска имеют высоту, примерно, около 2—3 метров и состоят из груды кирпича. В нижней своей части покатость спуска преграждается строительным мусором. Нужно думать, что эти руины представляют из себя остатки крепостных ворот.

На верхней площадке кургана, около предполагаемых ворот, находятся наиболее крупные развалины, идущие на значительном протяжении в виде буквы «Г».

В центре верхней площадки, в двух местах кем-то произведены незначительные разрезы поверхности. В обоих разрезах можно наблюдать: за незначительным надувным слоем лесса идет слой из 3—4 кирпичей, наложенных в беспорядке (повидимому, развалины стен), а затем мягкий, легко поддающийся разрушению слой земли с вкрапленной в него в большом количестве известкой.

Характерной особенностью кирпича, встречающегося на развалинах, является не совсем правильная

его форма; частично кирпич при обжиге давал некоторую горбатость, частично не давал правильной фигуры совсем.

Почти весь кирпич имеет отпечатки четырех пальцев человеческой руки (указательный, средний, безымянный и мизинец). Цвет кирпича—зеленоватый, кремовый и красный.

Керамики, в общем, встречается очень мало. Преобладает поливная глазуванная керамика синего и голубого цвета с черным орнаментом. Встречаются фрагменты фаянса с белой глазированной поливой, с рисунками синего, серого (сепия) цвета. Сравнительно реже встречается керамика с желтой поливой и очень редко неполновинная керамика.

К южной и западной части кургана примыкает цепь небольших возвышенностей,—очевидно, развалины некогда бывших строений. На этих возвышенностях расположено туркменское кладбище. Около могил встречается керамика,—она значительно разнится от керамики кургана.

МАЗАР СЕРАХС-БАБА.

Мазар Серахс-Баба находится, примерно, в 200 метрах к югу от развалин крепости старого Серахса, и расположен на небольшой возвышенности, образовавшейся, очевидно, из культурных напластований. На это указывает наличие фрагментов керамики, извлеченных из могил, окружающих мазар.

Внешний вид мазара, по сравнению с фотографическим снимком, произведенным в 1890 году профессором В. А. Жуковским, претерпел значительные изменения.

В конструктивном отношении мазар состоит: из нижнего куба с порталом, барабана, скуфьи, купола и отдельной пристройки из сырцового кирпича перед порталом, возведенной в самое последнее время.

Нижний куб мазара, как и вообще весь мазар, сложен из жженого кирпича, идентичного с кирпичом крепости старого Серахса. Кладка стен мазара схожа с кладкой мазара Талхатан-Баба и входной ниши мазара Чугундор-Баба. Кладка выполнена следующим образом: два кирпича положены плашмя один на другой и проложены кирпичом, поставленным на ребро. Отличительной особенностью, по сравнению с кладкой мазара Талхатан-Баба и Чугундор-Баба, является то, что в этих памятниках прокладка между положенных плашмя кирпичей выполнена орнаментированным кирпичом.

Произведенными замерами установлено, что стены куба с наружной стороны имеют 16,50×16,50 метров при высоте в 7 метров.

Портал мазара имеет высоту около 10 метров и примыкает в виде выступа к мазару. Портал следов глазуванного покрова не имеет,—он был украшен тонким слоем алебаstra, покрытым красноватой краской. В данное время окраска имеет красновато-бурый цвет, а желобки орнамента едва заметны.

На обоих щеках портала с внутренней стороны, над входом, имеются арабские надписи, сложенные из кирпича хорошей сохранности.

В мазар ведет низкий ход высотой около 2 метров и шириной 2,40 метра.

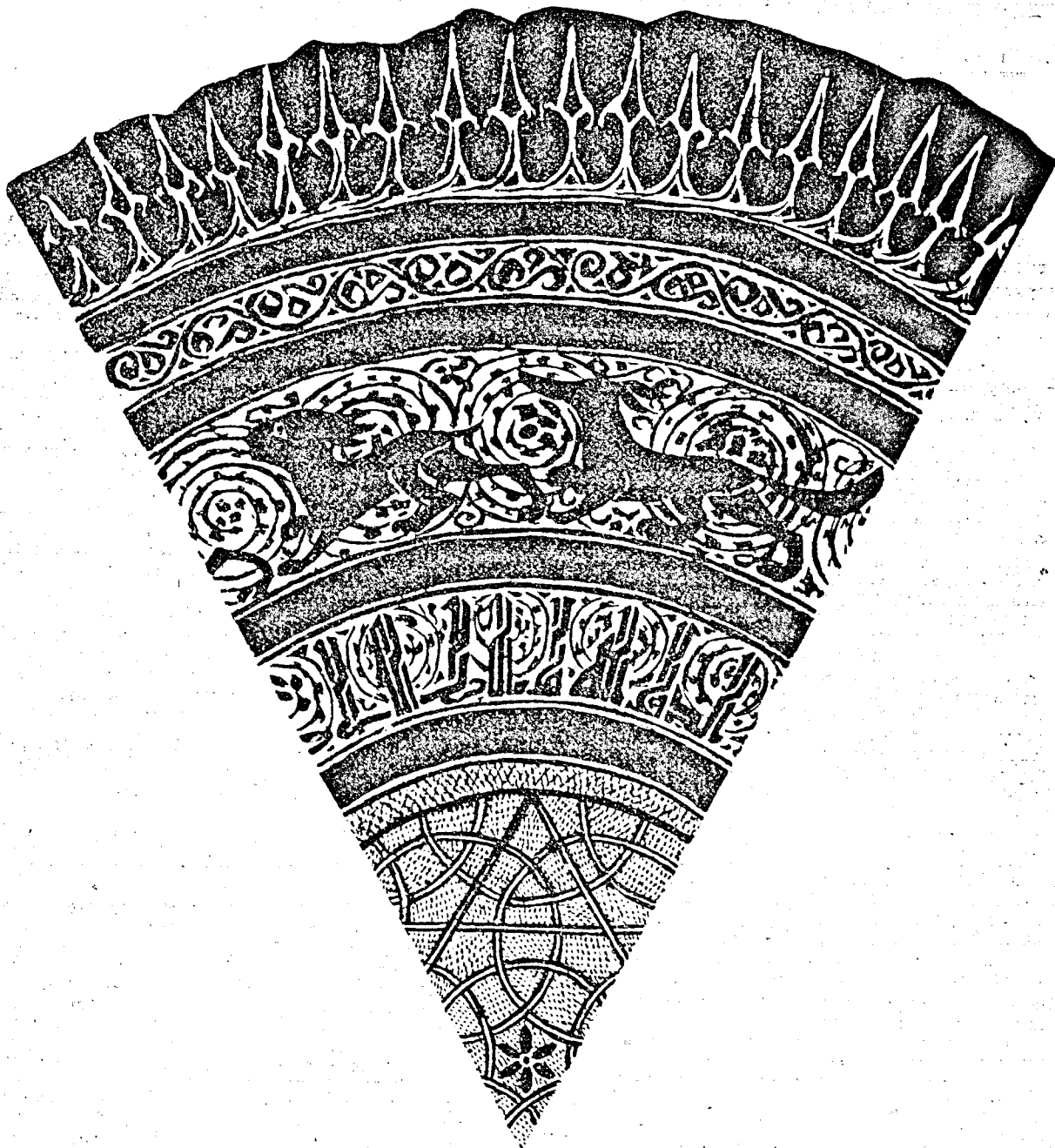
Пол мазара (общий размер—10,5×10,5 м.) имеет любопытную особенность, — он не сплошь по-

крыт кирпичем, а начиная с угла центрального надгробия, имеет ряд параллельных между собою пространств—без кирпичной кладки. Эти непокрытые пространства идут перпендикулярно к центральному надгробию. Следов разрушения пола не заметно.

Внутри мазара имеется четыре ниши, по одной на каждой стороне. Высота ниши—4 метра, глубина—1,70 метра и ширина—2,66 метра. В стенах мазара с portalной стороны имеются дверные отверстия, ведущие на галерею. Это отверстия оканчиваются стрельчатым сводом высотой 1,88 м. Ширина входа—0,76 м.

На верхней площадке надгробия, ближе к южной стене мазара, вмазана плита из серого камня. В нижней части плиты имеется надпись в одну строку на арабском языке. Верхняя площадь плиты обрамлена барельефной рамой. В центре имеется барельефное изображение кувшина со стилизованным цветком.

Основные мотивы рисунков плиты идентичны с рисунками на каменной плите Сундукли-Овлия, описанной экспедицией по изучению древнего Хаверана, находящейся в мазаре на территории древнего Аби-верда (Пештака). Цвет и свойство камня обоих этих

Деталь осколка блюда, найденного на развалинах Мазара Серахс-Баба.

Куб мазара примыкает к барабану сталактитовыми нишами,—пять их поддерживают барабан. Нужно отметить, что отдельные выступы «сталактитов» очень большие. Барабан оканчивается двенадцатигранником и увенчан куполом, образующим полусферический потолок над всем мазаром. В центре потолка имеются круглые отверстия, проходящие через весь наружный купол.

В мазаре имеется два надгробия. Первое надгробие находится на расстоянии 5 метров от входа, почти в центре мазара. Оно представляет из себя ступенчато-образное сооружение из сырцового кирпича.

плит также идентичны. Единственное отличие—плита Сундукли-Овлия значительно выше и более богато орнаментирована.

Размеры плиты: высота 10 сант., длина (часть плиты отбита)—2,10 метр. и ширина—26 сант.

Второе надгробие находится в юго-западном углу мазара и двумя своими сторонами примыкает к стенам мазара. Надгробие имеет вид неуклюжего сундука. С одной стороны имеет выступ в один кирпич и шириною в несколько сантиметров. Надгробие имеет 1,12 м. ширины, 2,45 м. длины и 0,40 м. высоты. Почти в центре этого надгробия положена плита.

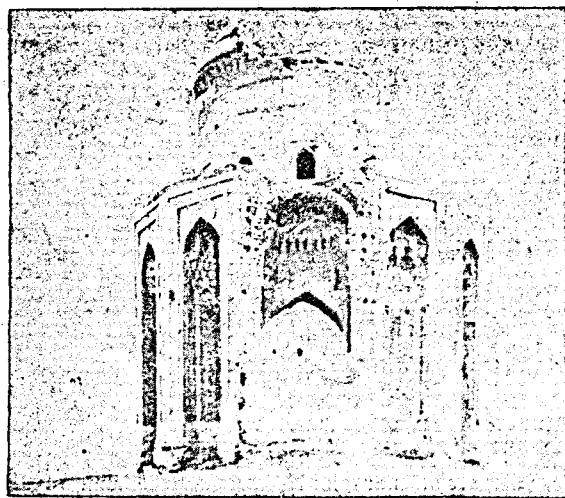
та из серого камня. К отбитому краю примкнут небольшой фрагмент плиты также серого цвета. На этом втором фрагменте обнаружен небольшой кусок кирпича—им верующие, исполняя какой-то религиозный ритуал, трут по фрагменту. Следы трения отчетливо заметны на фрагменте плиты в виде незначительного и равномерного углубления. Первая плита этого надгробия обрамлена орнаментом, тождественным с орнаментом верхней части плиты первого надгробия. Под орнаментом имеется надпись, повидимому на арабском языке; резьба букв сохранилась плохо—есть много выбоин,—чтение их невозможно.

Высота плиты 0,35 м., длина сохранившейся части плиты—0,65 м. и ширина—0,24 м. Фрагмент второй плиты данного надгробия имеет высоту—0,35 м. и ширину—0,35 м.

На фрагменте имеется надпись на арабском языке.

Внутри барабана на всем протяжении мазара идет галлерей. В южной части галлерей, в одной из ниш оказалось значительное количество книг и рукописей на арабском и других восточных языках. В числе этих книг имеется рукопись по мусульманскому праву (1033 года гиджры).

С внешней стороны, на нижнем кубе, помещается передкупольная площадка шириною в 2,5 м., идущая вокруг всего купола. Наружный купол мазара уриостренно-сферический, и напоминает вид туркменской кибитки.

Гробница Тура-Биби-Ханым.

Сопоставляя данные произведенного нами обследования развалин Серахса с историческими данными, берем на себя смелость сделать следующие выводы:

1. Древность крепости старого Серахса, по всей вероятности, относится к XIV—XV веку. Она представляет из себя развалины крепости, о которой говорит Хафиз-Абру (см. ниже).

2. Вероятным местоположением Серахса VII—IX века нужно считать территорию, занимаемую аулом Кичи-Ага II, в районе кургана Менгли-Тепе.

3. В виду того, что мазар Абульфаза сложен из кирпича, идентичного с кирпичом крепости старого Серахса, возникает вопрос о том, что данный мазар построен в это же время (XIV—XV век), хотя, правда, это предположение расходится с утверждением В. А. Жуковского, считающего, что «мазар Абульфаза Серахского одновременен по постройке с мавзолеем Султан-Санджара в Мерве, надгробием Туса и Талхатан-Баба». *)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О СЕРАХСКОМ РАЙОНЕ.

Собранные академиком В. В. Бартольд исторические сведения о городе Серахсе сводятся к следующему:

*) В. А. Жуковский. «Развалины старого Мерва», ст. 123.

«Главным городом местности по нижнему течению Герируда всегда был Серахс. Город существовал задолго до ислама. Серахс X в. был отделен площадью от развалин старого города, где уже тогда были видны только бугры. О величине до-мусульманского Серахса мы не имеем сведений; в первые века ислама он был довольно значительным городом, только вдвое меньше Мерва; но воды в русле реки тогда было еще меньше, чем теперь может быть потому, что тогда еще большее количество воды расходовалось в Герате и его окрестностях. Один из арабских авторов, Якуби, даже говорит, что в Серахсе не было ни канала, ни источника, и что жители пили воду из колодцев; по другим известиям канал был, при чем голова его находилась в 2 ф. от города; по Макдиси канал порезывал город; тот же автор приводит даже название канала, орошавшего рустак Серахса. Но все известия сходятся между собою в том, что Герируд в этой местности в летнее время пересыхал совершенно, что воды для орошения полей не хватало и что пашни были богарные; среди занятий жителей преобладало скотоводство. Благополучие города, вероятно, объясняется его местоположением; здесь разветвлялись дороги из Нишапура на Герат и на Мерв, поэтому город должен был приобрести некоторое военное (Хафиз-Абру называет его сильной крепостью) и промышленное значение (по Якуту там искусно выделяли вуали и чалмы). Климат считался здоровым.

«Хафиз-Абру также говорит, что русло Герируда около Серахса наполнялось водою только весной, остальное время года воды было мало, а летом вода до Серахса не доходила».

Цитируемый нами автор упоминает, что в 984—5 г. через Серахс проезжал известный географ Макдиси, путешествовавший по Средней Азии в X веке.

На основании других исторических источников, мы видим, что начиная с X века город Серахс начинает служить ареной разных политических событий, в которых он, возможно, активного участия и не принимал.

Весною 995 года через Серахс проследовали в Амударью (Чарджуй) разбитые Субук Тегиним в окрестностях Туса мятежники, действовавшие против Саманидов,—Абу-Али и Фаик; последний из них сделан впоследствии наместником Караханидов в Самарканде.

В этом же городе умер в 999 году брословшифитского толка—Абу-Али-Захир—Ибн-Ахмед Серахский (Абульфаз), преподававший Абу-Сенду толкование шариата и читавший ему лекции по юриспруденции.

1-го февраля, в среду, 999 года (по старому стилю), находившийся в Серахсе один из последних Саманидов—Мансур—был свергнут с престола, ослеплен и отправлен в Бухару. Это событие произошло в тот момент, когда Мансур собрал войска для борьбы с Махмудом Газневидом.

Далее наступают беспокойные годы, когда Серахс невольно втягивается в военные действия, служа временами плацдармом, а иногда делаясь центром, где сосредотачивались военные силы борющихся.

Так, в 1025—26 г. из Серахса выступило войско Сельджукидов по направлению к Гулгану против Масуда, который обычно жестоко расправлялся со всеми, кто осмеливался оказывать ему сопротивление.

На протяжении полных почти двух десятилетий, падающих на 1161—1177 годы, Серахс переживал особо тяжелое время. Тогда в крае оперировали непризнававшие над собой никакой верховной власти гузы. Эти кочевники известны в истории своими грабежами, от которых пострадал и пришел в полный упадок весь плодородный аму-дарьинский бассейн во второй половине XII века.

В руки этих гузов в той же половине XII столетия переходит Серахс, в числе других крупных торговых городов—Мерва и Бала.

В конце XII столетия Султан-Шах-Махмуд выступает против гузов и в 1181 году вблизи Серахса разбивает гузского правителя и занимает Мерв. Вслед

за этим к владениям Хорезм-шаха присоединены были Серахс и Тус, именно, в том же 1181 году 3 февраля, после поражения Тупан-Шаха.

Дальнейшие годы не внесли никаких изменений в судьбы областей, находящихся в бассейне Аму-Дарьи, и в частности и города Серахса.

Весной 1205 под Серахсом был разбит вторгнувшийся с войсками во владения Хорезм-шаха наместник Гуридов в Балхе-Тадж—Ад-Дин Зенгли. Зенгли и десять старших военачальников были взяты в плен, отправлены в Хорезм и там казнены.

Монгольское нашествие, повидимому, коснулось Серахса вскользь, на что указывает факт, что сведений о том подвергался ли Серахс разграблению монголов, по историческим источникам, не имеется. Из событий, относящихся к эпохе монгольского нашествия, имевших место в Серахсе, известны следующие.

Во время захвата Хоросана монгольскими войсками, Серахский кадий Мамс-Ал-Дин, по директивам Мервского Шейх-Ал-Ислама, вел проповедь за необходимость покориться войскам Чингиз-Хана.

Во второй половине 1221 года в ряде хоросанских городов, в том числе и в Серахсе, под влиянием слухов о победах Джелал-Ал-Дина вспыхнуло восстание против монголов. Для усмирения восстания в Серахс был послан начальник города Мерва—ставленник монголов—Зия-Ал-Дин-Али.

В 1384 году через Серахс проследовал с своим войском по пути в Абиверд и Несу известный завоеватель Средней Азии Тамерлан.

В 1457 году, по данным Абд-Ал-Резак Самаркандского, в окрестностях Серахса произошло восстание Мирзы-Санджара в сообществе с Мирзою-Алла-Ал-Доуле и Мирзою-Султан-Ибрагимом против Джан-Шаха. Миттежники были разбиты и голова Санджара, как трофей, была доставлена в Мерв.

В II-м веке до Р. Х., по сообщению греческих авторов, Аристобула и Страбона, на берегах реки Герируда (Теджена) была культура винограда, что говорит за высокую ступень сельского хозяйства в этих районах.

Наибольшего экономического развития Серахс достигает к IX—X веку. Это происходит от того, что Серахс по своему географическому положению находился на главном торговом пути Мерв-Нишапур-Багдад. Свое положение узлового пункта торгового пути Мерв-Багдад,—Серахс сохранил до XIV века. По сообщению Истахри, Серахс в первой половине X века по своей величине равнялся половине Мерва, что лишний раз подчеркивает, что в свое время Серахс являлся крупным торговым центром.

Помимо своего торгового значения, Серахс являлся и промышленным центром. Якут говорит о том, что в Серахсе выделяли вуали и чалмы.

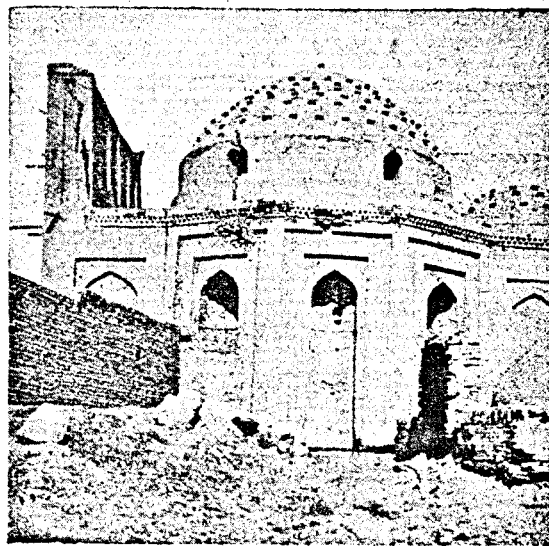
При наличии городской жизни и развитой торговли, окрестности Серахса населялись кочевниками, причинявшими беспокойство торговым караванам. Это подтверждается сообщением географа Якуби о том, что в IX веке по пути из Серахса в Мерв каждая станция имела крепость, где жители защищались от турок, часто нападавших на станции.

Сельское хозяйство эпохи IX и X веков характеризуется следующими моментами. По данным арабских географов, страна между Гератом и Серахсом носила название Багдис. Термин этот впоследствии

получил более обширное значение и стал обозначать всю северо-западную часть нынешнего Афганистана. Уже в XV веке Хафиз-и-Абру называет Багдисом всю местность между Герирудом и Мургабом. В X веке при Истахри вода Герируда во время мелководья не доходила до Серахса. За недостатком речной воды поля Багдиса орашались дождевой и колодезной водой Пашень вообще было мало и в основном преобладали богарные посевы. Главным богатством было скотоводство, в частности верблюдоводство, так как Багдис славился своими великолепными пастбищами и всегда привлекал к себе кочевников, в силу чего здесь не могла развиваться оседлая культура.

Из-за Багдиса в 1270 году произошла война между средне-азиатскими и персидскими монголами, и упадок культуры Багдиса вызван был набегами туркмен (гузов).

Если мы о днях былой славы Серахса IX—X века имеем сравнительно полные сведения, то последующая экономическая история Серахса не имеет отражения в доступных нам источниках, за исключением одного, повидимому, сильно преувеличенного известия, приводимого В. В. Бартольд, со слов В. А. Жуковского.

Мавзолей Али-Султана

«Гератский историк Исфизари, писавший в 1492 г., сообщает, что в царствование султана Хусейна, вступившего на престол в 1469 году, благодаря вновь вырытым каналам была значительно расширена культурная полоса как между Бала-Мургабом, так и между Мервом и Серахсом; Исфизари уверяет, что в той и другой области бесплодные прежде пространства были сплошь орошены и обработаны, так что между указанными городами образовалась сплошная культурная полоса, что, однако, едва ли возможно».

Резюмируя сказанное выше, мы можем констатировать, что в IX и X веках г. Серахс был крупным торговым центром и имел свою промышленность, а основным занятием жителей окрестностей Серахса являлось скотоводство и земледелие, главным образом богарное.

